

Юрий АЛЕКСАНДРОВ:

Всем понятна только посредственность

Известия. — 2001. — 11 июля. — с. 10

Премьера «Отелло» в Мариинском театре на фестивале «Звезды белых ночей», завершившемся в Петербурге, — пожалуй, наиболее бурно и полярно обсуждаемое критикой и простыми слушателями событие питерского музыкального лета. Автор новой постановки — один из самых ярких оперных российских режиссеров Юрий АЛЕКСАНДРОВ. Еще не отзвучали аплодисменты «Отелло», а Александр уже отправился в Москву — общаться с новым руководством Большого театра. Об итогах этих переговоров он рассказал корреспонденту «Известий» Юлии КАНТОР.

— Юрий Исаакович, судя по тому, что вы вернулись в Петербург, заключив контракт с Большим театром, общий язык найден?

— Честно говоря, я очень расчитывал на сотрудничество с Геннадием Рождественским, который, собственно, изначально меня и пригласил. Произошла какая-то трагическая накладка, нелепость — я имею в виду его уход. Я составил перспективный план работ года на четыре, которые могут оказаться интересными и нужными, и предложил его новому руководству театра. Мы, кстати, хорошо знакомы и с главным дирижером Александром Ведерниковым, замечательным музыкантом и интересным человеком, и с художественным руководителем оперы Владимиром Андроповым и, конечно, с директором — Анатолием Иксановым — еще со времен, когда он работал директором БДТ им. Товстоногова. Подчеркну: ни о каком кураторстве речь не идет и не шла — я только поделился своими соображениями.

— Вы упомянули о плане на четыре года. С чего начнете?

— С «Хованщины», премьера которой, надеюсь, состоится в

июне следующего года. Кстати, «Хованщину» я буду в марте ставить и на Сицилии в Театре Беллини. Представляете, на легендарно мафиозной Сицилии — да нашу «Хованщину»! Потом хотелось бы видеть в репертуаре Большого театра «Бориса Годунова». Есть в планах и «Руслан и Людмила». Еще раз оговорюсь: я не буду никаким куратором. Просто, если все сложится нормально, попробую там ставить один спектакль в год. Конечно, в то же время в Большом будут работать и другие режиссеры. Знаете старую истину: режиссер и главный режиссер — совсем разные профессии. Так я — именно режиссер. И мне очень хочется помочь этому театру с такой великопленной историей. Я, честно говоря, ностальгирую.

— Как лечить Большой в его нынешнем состоянии?

— Труппа ослаблена, «замусорена» амбициями и непрофессионализмом. Требуется «терапия» традициями психологического русского театра, театра соперничества, объединяющего прежде всего коллектив, — отсюда и «Хованщина». Но как, быть может, ни парадоксально, проводить «терапию» нужно западными средствами, когда каждый

спектакль — проект. Собирается команда, выпущенный ею спектакль играется несколько раз, потом создается следующий. А тот возвращается, скажем, через год. Потом уже, когда таким образом станет ясно, каков костяк, можно переходить к настоящему репертуарному театру.

— Традиции русской оперной режиссуры нынче не в моде, вы это отлично знаете, например, по настойчивым тенденциям Мариинки, с которой работаете уже третий десяток лет...

— Они и не должны быть в моде, не должны от моды зависеть. Это наш феномен, который можно и нужно сохранять, не воспринимая как архаизм. Я приветствую приглашения зарубежных постановщиков к нам — это нормальная мировая практика. Но «зарубежность» ради «зарубежности» мне не интересна. Режиссер, несомненно, должен представлять эстетику той площадки, на которой работает. Считается, что оперный постановочный «евростандарт» — залог успеха, что единственно верный современный путь — делать спектакли в западном стиле, чтобы «всем нравилось». Нравится всем — понятна всем только посредственность. Можно, я в этом убежден, быть вполне современным и радовать зрителя «лица необщим выраженьем». Что касается Мариинского театра, то он активно ищет выход на международную арену при помощи режиссуры. Музыкантская она уже завоевана Мариинкой давно и прочно. Этот поиск рискованный и не всегда успешный.

— Вы своими работами, в частности «Отелло», «евростандарту» противопоставите?

— Ничему я не противопоставлю — просто работаю, стараясь, чтобы мне не мешали. Я ведь ни от кого не завишу, в том числе и

в Мариинке. А «Отелло» я ставлю в четвертый раз — это неистощаемое произведение. Нынешняя постановка о том, как тонкая защитная пленка любви, сохраняющая в человеке личность. Нет ее, и незаурядный

человек становится просто «одним из».

— Что в ближайшее время предложите Мариинке?

— В ближайшее время — ничего, а через год я планирую «Чародею».

— Вы весьма успешный режиссер оперы-буфф. Не хотите вернуться к этому жанру?

— Уже вернулся. Я после гастролей в Лондоне (Мариинский театр везет в «Ковент-Гарден» «Отелло») поеду в Ригу, где на оперном фестивале покажу «Любовный напиток» с солистами Мариинского театра. Да и «Дон Жуан», которого я собираюсь ставить в театре Лирика ди Верона, как говорится, из той же — комической — «оперы».

— А что приготовили к трехсотлетию Санкт-Петербурга?

— Доницетти. В нашем театре, который, надеюсь, отреставрируем к этому времени (Юрий Александров возглавляет основанный им же камерный театр «Санкт-Петербург Опера». Театр недавно получил когда-то великопленное, а нынче запущенное здание — особняк барона фон Державина. — Ю.К.), в мае 2003 года мы планируем премьеру оперы «Петр Великий, или Ливонский плотник». Я нашел в Италии зашифрованную кодами Доницетти партитуру. Она в России не исполнялась никогда, а в Италии — один раз, в XIX веке. Нам не впервой заниматься «расшифровкой» этого композитора — у нас уже есть опыт его «Реквиема». Так что «Петр Великий» уже на пути к юбилею.

Санкт-Петербург